

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Скопление неприятностей / Вадим Панов. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-04-106167-8

Кажется, что жизнь Помпилио дер Даген Тура налаживается. Главный противник — повержен. Брак с женой-красавицей стал по-настоящему счастливым. Да и верный цеппель, пострадавший в последней битве, скоро должен вернуться в строй. Но разве таков наш герой, чтобы сидеть на месте? Тем более, когда в его руках оказывается удивительная звездная машина, расследование тайны которой ведет на богатую планету Тердан, которой правят весьма амбициозные люди. Да и офицеры «Пытливому амуша» не привыкли скучать и охотно вернутся к привычной, полной приключений жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106167-8

© Панов В.Ю., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ПРОЛОГ,

*действие которого разворачивается более чем за год
до описываемых событий*

Идея.

Нет на свете ничего сильнее.

Ни меч, ни копье, ни штык, ни пуля, ни пушки, ни шестиствольные пулеметы, способные прорубить просеку в тропическом лесу, ни алхимические бомбы, ни ядовитые газы, ни огнеметы — ничто не сравнится с Идеей. Открыто или исподволь, она проникает не в тело, но в душу, не убивая врага, а превращая его в верного союзника или послушного раба. Она может опереться на оружие, но презирает его, как презирает палача хладнокровный, безжалостный убийца. Идея выше, ведь она есть Слово, а Слово всегда сокрушает Железо, потому что меч обращается в прах, а Слово не знает времени.

Идея ведет человека и целые народы, объединяет вчерашних врагов, приводит к грандиозным победам или сокрушительным поражениям. Идеи подталкивают цивилизацию добром или злостью, восхищают или пугают, но всегда направляют, не позволяя человечеству закаменеть. Людьми движут идеи, а не жажда наживы, которая всего лишь инструмент.

И Огнедел был человеком идеи.

Он знал, чего хочет, и шел к своей мечте так, что становилось страшно.

Он считал существующий порядок неправильным и ломал его всеми доступными способами. Безжалостно убивал во имя светлого будущего, сжигал дома, заводы и

людей. Тех людей, без которых, по его твердому убеждению, мир становился лучше: адигенов¹, политиков и капиталистов.

Его идея была дикой, методы — людоедскими, но многие считали его героем. А некоторые — что смогут заставить самого страшного террориста Герметикона служить себе, что им по силам запрыгнуть на тигра и удержаться. Эти люди помогали Огнеделу творить ужасы — в собственных интересах, — но финал всегда получался не таким, на какой они рассчитывали. Они всегда оставались в проигрыше, не удержавшись на лютом звере. Но однажды не повезло и самому Огнеделу: он «славно погулял» на Кардонии, убил всех, кого приказали, поджег планету, ввергнув ее в пожар гражданской войны, но заполучил смертельного врага — лингийского аристократа Помпилио дер Даген Тура, и на этом страшная карьера знаменитого террориста Герметикона завершилась. Он был еще жив, но с ним боялись иметь дело, поскольку охотники Помпилио беспощадно карали тех, кто хоть чем-то помог приговоренному преступнику. От него отвернулись. Его избегали. Все хотели его продать.

Но Герметикон огромен, и нашлись люди, решившие, что знаменитый, хоть и беглый Огнедел еще способен принести пользу. Терданы укрыли террориста от мстительных адигенов, спрятали в надежнейшем месте и стали ждать, когда закончится охота. На их беду Огнедел дураком не был и прекрасно понимал, что, когда терданы убедятся, что охота не прекращается — а зная Помпилио, можно было не сомневаться в том, что она не прекратится, — они его убьют.

Огнедел это понимал и потому затеял собственную игру, поражая охранников единственным доступным

¹ Значение этого и других герметиконских терминов можно посмотреть в словаре в конце книги.

ему оружием — словом. Но поражая с невероятной точностью.

— Мир несправедлив, — прошептал он, глядя в горящие глаза Фелди. И его собственные глаза горели таким же фанатичным огнем. — Наш прекрасный мир проклят, отдан на разграбление адигенам и богачам, которые владеют им без всякого права. Они захватили Герметикон силой и жестокостью, наполнили жадностью и подлостью, и передают своим детям так, словно огромная Вселенная — жалкая шлюха, вынужденная удовлетворять их прихоти. Они решают нашу судьбу и получают все самое лучшее.

— Это нечестно, — твердо произнес Фелди. — Так не должно быть.

— Каждый человек имеет право на достойную жизнь.

— Но что мы можем сделать? — вздохнул Фелди, вернувшись к классическому вопросу тех, кто остро чувствует несправедливость мира, но не знает, как с ней бороться.

— Каждый по отдельности — ничего, — не стал скрывать Огнедел. — Каждый маленький человек способен лишь вздохнуть, принимая вселенскую несправедливость как данность, и сетовать на то, что не родился в семье дара.

— Работать от рассвета до заката...

— Без всякой надежды вырваться из порочного круга.

— Влачить жалкое существование.

— Чтобы заработать хозяину лишней золотой.

— Вот уже много лет моя семья мечтает открыть кафе, — сообщил Фелди. — Дед мечтал, но у него не получилось, отец мечтал, пока не умер, потеряв легкие на кожевенной фабрике... теперь мечтают мать и сестра.

— Скромная мечта, — оценил террорист. — И очень славная. Вы всего лишь хотите стать честными, законо-

послушными людьми, но вам не позволяют, построив каменный забор между вами и вашей надеждой на лучшее будущее.

— Мысль о том, что однажды мы будем владеть доходным заведением, делала нас счастливыми, — вздохнул Фелди.

— Самое обидное заключается в том, что даже такая скромная мечта, скорее всего, окажется несбыточной. У простых людей мало шансов подняться.

— Мы очень стараемся, но вот уже два поколения не могут вырваться из нищеты.

— Вам не позволяют.

— Им нужны слуги и рабы. Ведь если не будет бедных, кем станут богатые?

— Теперь ты понимаешь, что я имею в виду.

— Я понимал это с самого начала.

Фелди был выходцем из небогатой виллемгофской семьи, которая едва сводила концы с концами, балансируя на грани нищеты. Будучи вторым сыном, Патрик не пожелал идти, по примеру брата, на завод и завербовался в армию. А благодаря тому, что три года прилежно посещал воскресную школу при олгеменическом храме, быстро заработал унтер-офицерские лычки. Но это был потолок, пробить который Фелди не мог при всем желании: на офицерский патент могли рассчитывать только высокообразованные терданы.

— Нужно сделать мир справедливым, — мягко произнес Огнедел.

— Нужно его разрушить.

Террорист улыбнулся.

Терданы видели в Огнеделе опасное, но эффективное оружие. И еще терданы видели в Огнеделе конченого психопата, ловкого организатора кошмарных массовых убийств. Терданы искренне полагали, что идея нужна Огнеделу лишь для оправдания собственного безумия, требующего запредельной кровожадности, по-

тому что без нее — без революционной идеи — он бы превратился в заурядного убийцу. Но терданы ошиблись: Огнедел знал силу Слова, и его желание уничтожить мир было искренним.

Однако главная ошибка терданов заключалась в другом: они были уверены, что преследуемый, растерявший друзей и помощников Огнедел окажется в их полной власти, недооценили неукротимый нрав террориста, кипящую в его душе ярость и умение привлекать на свою сторону незрелые умы.

И терданы дорого заплатили за эту ошибку.

— Нужно разрушить мир, — убежденно повторил Фелди. — В нем не осталось справедливости. Нужно разрушить его и сделать другим.

— Все люди достойны счастья!

— Ты прав.

— Герметикон хочет революции!

— Очень хочет!

Огнедел кивнул и перешел на деловой тон:

— Ты сделал то, о чем я просил?

Терданы уверяли террориста, что он гость, а не пленник, однако выделенные комнаты ему разрешалось покидать только раз в день и строго на час — столько длилась прогулка вдоль озера. И рядом с Огнеделом все время находились охранники. Простые ребята из небогатых семей.

Очень похожие на Фелди.

— Нас будет шестеро, — сообщил Патрик. — Ты, я и еще четверо парней.

— Этого достаточно?

— Мы сможем улететь, — уверенно ответил Фелди. — Двое из нас как раз готовились перевестись в це-пари и разбираются в машинах.

— А что с астрологом? — Огнедел знал тех четверых, которых упомянул Фелди, — их он вербовал лично, детально разузнал об их квалификации и не сомневался,

что вшестером они смогут управиться с воздушным судном. В подробном докладе Патрика не было необходимости, однако Огнедел позволил ему высказаться, чтобы дать Фелди возможность ощутить свою значимость. Тем не менее среди заговорщиков до сих пор отсутствовал важнейший для бегства член экипажа — судовой астролог. — Без астролога мы не сможем покинуть планету.

— Перед акцией мы захватим одного из астрологов и заставим совершить прыжок.

К сожалению, это был единственный выход, поскольку как правильно вербовать насквозь сумасшедших штурманов Пустоты, не знал даже Огнедел.

И потому он вздохнул:

— Это большой риск.

— Не волнуйся, — усмехнулся Фелди. — Сумасшедшие они или нет, жить астрологи хотят не меньше нормальных людей. У нас получится.

///

И у них действительно получилось.

Будучи унтер-офицером, Фелди мог влиять на назначение караульных и в указанный день, точнее — в указанную ночь, подобрал идеальное сочетание: два заговорщика отправились охранять посадочное поле, на котором стояли импакто и торговое судно; а двое других сторожили жилой комплекс — им предстояло захватить алхимика. Сам Фелди на дежурства не ходил — должность не позволяла, и это стало приговором восемнадцатилетнему пареньку, которого он отправил сторожить Огнедела.

Огнедел не ложился. Свет выключил, но раздеваться не стал, собрался и неподвижно сидел в темноте, временами напоминая статую: спокойную и сосредоточенную. План он разработал на основе подробной

информации, которой его снабдили предатели, и не сомневался, что учел все детали. Сейчас он никак не мог повлиять на происходящее и терпеливо ждал, не ошибутся ли исполнители.

Как оказалось — не ошиблись.

В половине второго ночи послышался тихий стук в дверь, Огнедел подхватил с пола сумку на длинном ремне и вышел в коридор.

— Все в порядке?

— Как видишь, — криво улыбнулся Фелди. Пронзенный кинжалом караульный лежал на полу, и Патрик протянул террористу его боевой пояс с кобурой и подсумком с патронами. — У нас не очень много времени.

— Знаю, — кивнул Огнедел, уверенным жестом застегивая пояс. — Но сначала мы должны заглянуть в алхимическую лабораторию.

— Зачем? — растерялся предатель.

— Затем, что если мы не отвлечем охрану, побег не удастся.

Теперь, когда операция началась, первая кровь пролилась, а у него появилось оружие, Огнедел почувствовал себя намного увереннее и отдавал приказы четким командирским тоном.

— Где астролог?

— Его уже ведут к цеппелю.

— Все прошло тихо?

— Да.

— Что с цеппелем?

— Все в порядке... — Фелди вздохнул. — Мы можем уйти очень тихо. Нас не хватятся до утра.

— Нас хватятся, как только цеппель поднимется в воздух, — отрезал Огнедел. — Поверь, Патрик, я знаю, что делаю.

И унтер-офицер Фелди счел за благо подчиниться.

Внутренние службы комплекса по ночам особо не охранялись, просто запирались на ключ, и поскольку ближайший пост охраны находился у входа в здание, услышать их никто не мог, Патрик мощным ударом выбил замок, и Огнедел вошел в лабораторию. Включил свет, по-хозяйски огляделся, отмечая оборудование, шкафы со смесями и чистыми ингредиентами, и сообщил:

— Мне нужно двадцать минут.

— Так мало?

— Тут замечательная лаборатория... — Огнедел раскрыл один из шкафов. — Собери стеклянные бутылки или колбы. Самые большие, какие найдешь.

— Где найду? — растерялся Фелди.

— Оглядись и найди, — предложил террорист. — И больше не мешай.

И каждый из них занялся своим делом. Огнедел уверенно, как человек, который не раз и не два работал в алхимической лаборатории, готовил загадочную смесь, а Фелди рыскал по подсобным помещениям в поисках стеклянной тары. И закончили они одновременно: через двадцать минут террорист выключил газовую горелку под большим баком, в котором кипела зеленоватая смесь, а Патрик притащил четыре десятилитровые бутылки. Увидев их, Огнедел одобрительно кивнул и осторожно наполнил каждую полученным раствором.

— Идем быстро, по дороге разбрызгиваем смесь.

— На пол?

— На пол.

Спрашивать «зачем?» Фелди не стал — догадался. Но отступать было поздно. Он двинулся к запасному выходу из здания, откуда можно было быстрее всего добраться до причального поля, и по дороге избавляясь от резкопахнувшей жидкости.

Когда они добрались до черного хода, у которого их ждали двое заговорщиков, в комплексе завывла сирена:

побег обнаружили. Однако на Огнедела это не произвело никакого впечатления.

Он бросил опустевшие бутылки и напомнил Фелди:

— Я ведь говорил, — после чего щелкнул зажигалкой и улыбнулся, хладнокровно наблюдая за тем, как яростное пламя стремительно охватывает здание.

Последнюю, четвертую, бутылку они сбросили на импакто, когда захваченное ими торговое судно поднялось над «сигарой» крейсера. Сбросили, подожгли и рассмеялись, глядя на устроенный пожар и понимая, что погоны не будут.

ГЛАВА 1,

в которой Помпилио и Кира ведут скучную, размеренную жизнь лингийских аристократов, Арбедалочик излагает план, Дюкри не очень доволен происходящим, а Бабарский неудачно берется за руль, но все заканчивается хорошо

— Я выросла вдали от сферопорта, на архипелаге, и хотя земли там было достаточно, воды и неба я видела много больше.

— Вода и небо создают идеальный простор, — негромко произнес полулежащий рядом с девушкой Помпилио. — Простор, доведенный до абсолюта.

Он не держал рыжую Киру в объятиях, но был совсем рядом, облокотился на спинку диванчика правой рукой, а левой легонько, подушечками пальцев поглаживал плечо девушки. Ему нравилось прикасаться к жене.

Они оба получали от этого удовольствие.

— Ты прав... — Кира улыбнулась. — Архипелаг — отнюдь не замшелая провинция, его большие города не затерялись бы и на Линге, они современные, энергичные, деловые, но все равно их жизнь куда спокойнее и размереннее, чем шумная суета большого сферопорта.

Они отдыхали на открытой террасе пентхауса «Ожерелье Л», в лингийском отеле небольшой — всего одна гостиница на планету — и единственной в Герметиконе межзвездной сети. Владельцы «Ожерелья» не строили огромных «заведений для всех», полностью сосредоточившись на избранных клиентах: на путешествующих хозяевах жизни, привыкших к роскоши, а не просто

комfortу. Отели располагались в лучших районах сферопортов, и с террасы, на которой отдыхали влюбленные, открывался великолепный вид на столицу Линги, на ее Старый город, выстроенный задолго до того, как в универсале возникло слово «сферопорт». А когда смотришь на Старый Маркополис, то в первую очередь видишь самый большой во всем Герметиконе олгеменический храм — собор Доброго Маркуса, в нем одновременно могли молиться сто тысяч человек; неподалеку поднимается Палата Даров, в которой заседали верховные правители самого консервативного адигенского мира, а напротив, через обширную площадь, по праздникам на ней собиралось до миллиона человек, высилась городская Ратуша. Слева от собора стояли Академия Наук и Лингийская библиотека, а между ними пряталось приземистое здание Университета. Привлекали внимание колоссы Генерального штаба, Лингийского Астрологического общества, дворцы даров, музеи, соборы, башни Старой крепости...

Лингийцы не жалели денег на украшение Маркополиса, и с высокой крыши «Ожерелья Л» открывался поистине царский вид.

— Сферопорты принадлежат не планете, а Герметикону, — отозвался Помпилио, решив, что девушка ждет его реплики. — Они служат воротами в огромную Вселенную, перекрестками бесчисленных торговых путей и одновременно — лицом планеты...

— Какой же ты зануда, — рассмеялась Кира, обернувшись и прикоснувшись пальчиком правой руки к губам мужа. — Я всего лишь хотела сказать, что Маркополис не такой. Он стремительный и суетливый там, где должен быть стремительным и суетливым, но умудряется сохранять общее спокойствие. Он — как тяжелый рыцарь: выглядит неспешным, даже неповоротливым, но, если нужно, мчится с невообразимой скоростью.